

Лиса Патрикеевна

Сговорилась Лиса-Патрикеевна с кумом волком по-дружески жить, что добудут пополам делить.

Стянет волк где барашка или теленочка, выбежит на горку -- кума, иди! -- закончить -- и кума перед ним словно из земли вырастет.

-- Уж какой ты, кум, ловкий да какой ты, кум, сильный, и добрее-то тебя зверя на свете не сыщется, начнет Лиса-Патрикеевна выхвалять волка. -- Уж кабы мне твою силу, да ловкость, да смелость -- я бы тебя, куманек ты мой милый, за одну зиму жирнее свиньи откормила. А то что я теперь? Дело мое женское, слабое, птица нынче стала такая всё бойкая, непокорная, даже куры уж против меня огрызаться начали, а с гусем или с индейским петухом лучше и не связывайся; заклюют, зашиплют, да еще и на смех поднимут. Уж подлинно сказать, не будь тебя, куманек: давно бы с голоду околела! Мне, признаться, и совестно уж становится всё твою хлеб-соль есть, а самой ни разу тебя не подвигать, да уж нечего делать, попрошу до весны, до цыплят, подождать. Так увещала Лиса-Патрикеевна кума волка, когда тот приглашал ее покушать своей добычи, сама же ни чем не делилась; а слухи носились, что не было ночи, когда бы лиса не очистила чьего-нибудь курятника.

Дошли эти слухи и до кума. Тот начал лису подозревать в лукавстве, поприглядывать за ней, и почаще к ней в нору понаведываться.

Раз как-то мужичек из деревни выехал на речку половить рыбки. Удача была хорошая: что не закинет блесенку, то или окунь золотой полосатенький или лещик пузатый или щучка зубастенькая.

Как эта рыбка прыгала на льду, замерзая кочерилась; как мужичек поклат рыбку в сани; как он поехал путем дорогой восвояси -- всё это видела Лиса-Патрикеевна из лесу, сидючи на высоком дереве.

Больно захотелось лисоньке этой рыбки покушать. Переметнула она в уме, соскочила с дерева, забежала впереди мужичка и растянулась поперек дороги, прикинувшись мертвой.

Мужичек едет себе потихоньку, лошадку понукает, да кнутиком помахивает. Вдруг видит -- посреди дороги лисица лежит. Остановил он лошадку, поднял лису, потрепал, погладил -- шерсть пушистая, а лиса мертвая.

"Вот, думает, находка-то нечаянная! шкурку сдеру -- на базаре продам, а на деньги жене сарафан сошью, да ребятишкам пряников накуплю."

Положил мужичек лису в сани, вместе с рыбой, да рогожей покрыл, а сам не сел на воз, а подле лошадки пошел.

Идет -- песни попевает на радостях, кнутиком по снегу похлестывает, да

смекает в уже, как бы подороже лисью шкурку продать, да кроме сарафана и пряников, себе шапку купить.

А лиса, как заметила, что мужичек не смотрит за ней -- и давай в санях дырку прогрызать. Прогрызла дыру преобольшую: рыбку вытаскала -- сама выскочила; мужичек едет в город -- а лиса рыбку в нору таскает.

Только что успела она перетаскать рыбку, сесть под окошечко, да у лещика головку отъесть -- смотрит, кум к ней в гости идет.

-- Здравствуй кумушка! Вот как ты нонича поживаешь: рыбку покушиваешь, а меня не поподчуешь.

-- Ах, куманек ты мой милый! затараторила Лиса-Патрикеевна; -- только что с ловли пришла, о первом о тебе вспомнила, хотела было пойти попросить тебя в гости, да замаялась больно, села вот отдохнуть, червячка заморить. Отведу, мол, душу маленько, да сейчас и за тобой сбегаю. Присядь, куманек, да покушай хоть щучки, да смотри осторожнее, а то косточкой подавишься.

Кум сел, начал есть, ест, да спрашивает: "Где это, кума, удалось тебе таким кушаньем поживиться?"

-- На речку ходила, сама наловила -- хочешь тебя научу?

Волк согласился и они, дождавшись ночи, отправились на охоту.

Лиса привела волка к прорубке, посадила его на самый край, а хвост в воду опустить велела.

-- Ты вот так посиди, куманек, подольше, так видимо-невидимо к тебе на хвост всякой рыбы намерзнет.

Волк сидит, а Лиса-Патрикеевна ходит вокруг прорубки да приговаривает: Ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни волчий хвост.

-- Ты что там, кума, приговариваешь? -- спросил волк.

-- Я говорю: ясни, ясни на небе. Липни рыбка к волчьему хвосту.

Волк соскучился сидеть, захотел привстать, а хвост-то примерз, не пускает.

-- Что-то уж очень тяжело, кума, -- сказал он: -- не пора ли вытаскивать? Чай, уж много налипло рыбы-то.

-- Нет, куманек, еще рано. Посиди еще немножко -- пусть уж сразу побольше налипнет -- ответит Лиса-Патрикеевна, и сама опять начнет ходить да приговаривать: ясни, ясни на небе, мерзни, мерзни волчий хвост!

И досидел кум -- когда уж светать начало; бабы из деревни пришли за водой к прорубке, увидели волка и давай его коромыслами бить.

Волк вертелся, вертелся, никак не мог вытащить хвоста из прорубки: примерз очень. Рванул сильнее да и оторвал его, да так без хвоста и ушел.

Подбегает волк к лесу -- видит лиса по снегу валяется, стонет да охает.

-- Что ты, кума?

Волк поверил, что кума от чистого сердца так убивается, сжалился над нею, положил на спину и понес на себе.

Несет он лису, а она лежит да приговаривает: битый небитого несет; битый небитого несет.

-- Что ты там, кума, говоришь? -- спросил волк.

-- Ох, уж я и сама не знаю, что брежу. Голова так кругом и ходить, и в глазах туманится.

Так и донес волк лису до норы, положил на постель, а сам побежал к знакомому шубнику просить, чтобы хвост новый пришил: совестно было без хвоста-то ходить по лесу, смеяться все будут.

Через несколько времени, слышала Лиса-Патрикеевна, что сосед медведь чей-то пчельник ограбил; всё, что там было, поел, а одну кадку меду про запас оставил; на весну жениться собирался, так невесту полакомить хотел.

Одним утром медведь только что глаза успел продрать -- лежит да с боку на бок поворачивается, сны на память приводить да разгадывает, вдруг слышит кто-то стукнул в дверь. Отворил -- лиса.

-- С добрым утром, Михайло Иванович! -- поздравила Лиса-Патрикеевна.

-- Добро пожаловать, милая соседushка, приветил Михайло Иваныч. -- Что так раненько пришла? видно дельце какое случилось?

-- Просьбица есть у меня до вас всепокорнейшая, -- заговорила

Лиса-Патрикеевна, а сама залилась слезами. -- Житья мне на свете не стало, сиротинушке. Обижают меня, беззащитную, всякие звери. Пусть бы уж крупные, а то мелочь-то всякая покою не дает. На что зайцы -- и те надо мной потешаются. Вчера приходят ко мне два зайца -- пьяным пьянехоньки еле на ногах стоят -- на шумели, набуянили и из дому вон выгнали. Плакала, плакала да и придумала: пойду, мол, я к доброму соседushке милости просить.

Квартира у него большая, так не пустит ли в уголок зиму дозимовать. А я бы ему прислуживать стала, одежоньку чинить, или на посылках бегать.

Мишенька обрадовался, что даровую прислугу нашел и пригласил лису переехать.

-- Только не будет ли вам беспокойно со мной? -- спросила лиса: -- я ведь по здешнему лесу лекаркой состою, так по ночам часто приходят за мною, -- стучаться будут.

-- Это ничего, ответил медведь -- если ночью помешают, так я и днем выплусь.

В тот же день переехала лиса к медведю.

Ночью лиса легла спать на лавочку, а хвост опустила под лавочку. Полежала, полежала да и давай хвостом бить, будто кто со двора стучится.

-- Кто там? спросила она.

-- Здесь лекарка живет? -- пропищала сама же, только не своим голосом.

-- Здесь! сейчас выйду.

Вскочила и ушла.

Медведь слышал всё это и думал, что в самом деле к больному пошла, а она прямо туда, где спрятан был мед, Подсела к кадке и давай лакомиться.

Перед светом, когда возвратилась лиса, медведь спросил ее: ну, что, лисонька, как лечение твое идет?

-- Хорошо; еще в начале только, ответила она.

Выходило так, что медведь спрашивал про больного, а лиса отвечала про мед. На другую ночь лиса опять также сделала.

-- Ну, что, лисонька, как лечение идет? -- спросил медведь, когда возвратилась лиса.

-- Хорошо, до половины дошло.

На третью ночь лиса опять из дому уходила.

-- Ну, что, лисонька, как лечение идет? -- спросил опять медведь.

-- Очень хорошо, покончила всё, ответила лиса.

Вскоре медведю захотелось посмотреть, цел ли у него мед. Заглянул он в кадку -- а там и донышко видно.

-- Эге! подумал Мишенька: -- это, видно, лисьины штуки. Постой-ка, я допрошу.

Возвратился он в берлогу. -- Лиса-Патрикеевна сидит, как ни в чем не бывало, и чулки медведю штопает.

-- Это тебе и не стыдно, лисонька, медок-то весь скушать!? -- сказал ей медведь.

-- Про какой это вы медок говорите, Михайло Иванович? Я и знать ничего не знаю, ведать не ведаю, -- начала оправдываться лиса.

Медведь взял ее за лапу, подвел к яме, где спрятан был мед, и указал на пустую кадку.

-- А вот это чьи дела? спросил он лису: -- У меня в доме, кроме тебя, никто не живет, стало и некому съесть.

-- Может вы сами изволили скушать. Михайло Иваныч, когда-нибудь во хмелю пришедши, да и заспали, извернулась лиса: -- А мне как это сделать, когда я и не знала, что у вас мед есть? Впрочем, ведь уж это такое дело, что укрыться не может ни как. Ведь сейчас узнать можно, кто поел мед.

-- А как же это узнать?

-- А вот как: затопим печку пожарче, да и ляжем перед огнем. Как только жаром начнет пропекать -- мед и будет топиться из шкуры наружу.

Медведь согласился попробовать. Натаскал из лесу дров целый ворох, затопил печь и улегся с лисой перед огнем. Как только начало его пригревать -- он и захрапел.

Лисе только того и надо было. Тотчас побежала она к кадке, соскребла со дна

последышки да и вымазала медом-то всего медведя.

-- Вставай, Михаил" Иванович! будила она его, когда кончила дело -- теперь уж пора узнавать, кто съел мед.

Медведь встал, лизнул спросонья, лису -- не сладко: значит не ела; лизнул себя -- что за диковинка! точно в соту язык опустил. "Когда же это я съел? стал думать он: -- Правда, хоть мне и частенько случалось домой под хмельком приходить, однако помню, что меду не трогал. Разве вот прошлый раз, когда с именин от соседа под руки привели -- да и тогда кажется не трогал, а прямо спать повалился."

Пока медведь размышлял, сидя над кадкой -- лиса побежала в берлогу, собрала наскоро свои пожитки, расплакалась и стала прощаться.

"Прощайте, Михайло Иваныч! завопила она, обливаясь слезами: -- Крепко обидели вы меня, горемычную, что, не разобравши дела, клепать начали. Не хочу у вас ни минуты оставаться после того. Лучше уж буду мытарствовать по темному лесу, где день, а где ночь, чем такое оскорбление терпеть."

Мишенька подумал, что в самом деле понапрасну обидел лису, начал прощенья просить, уговаривать, чтобы осталась, но та и слушать не захотела -- ушла.

Да и зачем уж ей было оставаться: мед съеден, а другого ничего у медведя в запасе не было, потому что он всю зиму только свою лапу сосет, да тем и питается.

Идет лиса по лесу, а хвост несет по ветру, -- вдруг слышит что-то жареным за пахло.

-- Верно охотники ходили, да кусочек обронили, -- подумала лиса, побежала на запах да и попалась в капкан.

Испугалась Лиса-Патрикеевна не на шутку. Начала голосить, куманьев на помощь сзывать -- ан глядь, вместо кума мужичек к ней идет, тот самый, у которого она рыбу из воза повытаскала.

Лиса Патрикеевна начала метаться во все стороны, улещать мужичка да пощады просить, но мужичок не сжалился, перерезал ей ножом горлышко и шкурку содрал, да понес на базар продавать.

После набежал на лису волк, увидел что кума без шубки лежит -- поплакал, потужил, да и скушал куму.

А медведь и теперь еще всё голову ломает, да не может припомнить, когда съел он свой мед?